Из-за внезапного инцидента родился князь Дингуо Ян Чжао. Для стабильности Хэйшуйгуань его выживший родственник должен попасть в Бяньцзин. Тогда в императорской резиденции не должно быть плохо. Не может быть, Чжэншитань. Ему пришлось уговаривать императора Сивэня сделать особняк Ангуо Гун, который только что был возвращен, особняком Дин Гуо Гун.

Дверь особняка была недавно заменена, и от нее все еще пахло краской, отчего Чай Цзиньчжуну было очень не по себе, но он мог только продолжать сохранять печальное выражение лица, ожидая, пока гроб войдет в уже обустроенный зал. Увидев, что на повозку спустилась женщина с белым телом и в черной марлевой шляпе, которую поддерживала женщина (женщина) рядом с ней, Чай Цзиньчжун шагнул вперед и остановил женщину от почтения, сказав: "Пожалуйста, мадам, пожалуйста".

Лин Цинъюй все еще наполовину почтительно улыбался, затем склонил голову, мягко поблагодарил и медленно вошел в дверь.

Рука Чэн Цзя сжалась в кулак, а в сердце зародилась боль. Хотя черная вуаль закрывала от всех глаз, Чэн Цзя знал, что она изменилась. Оказалось, что все ее тело переливается, как весеннее солнце. Его бодрость ушла, и он превратился в холодный, отчаянный холод.

После того как траурный зал был установлен на два дня, Чай Цзиньчжун вышел вперед, чтобы председательствовать на торжественных государственных похоронах.

Улица Шили Лонг снова стала усыпана белыми цветами, а по всей улице было свалено больше поминальных принадлежностей, чем в день въезда в город. Чтобы атмосфера не оказалась в неловкой ситуации дня въезда в город, Чай Цзиньчжун также устроил так, чтобы люди плакали на улице.

Просто, когда тысяча воинов, одетых в льняные одежды и сыновнюю почтительность, шаг за шагом следовали за оставшимся в живых человеком, одетым в тяжелую сыновнюю почтительность, по улице со скорбью на лице, но без единого слова или слезы, эти притворные рыдания не могли не прекратиться.

Это был единственный случай, который когда-либо видели люди Бяньцзина. Не было ни печали, ни плача, было так тихо, что слышался только звук торопливо летящих бумажных денег. Даже шаги казались похоронными, нарочито легкими и последовательными, боясь потревожить мертвых. ...

Женщина, шедшая за гробом, который несли шестнадцать человек, держала спину прямо. Только голова, покрытая вуалью, была слегка опущена. Не было слышно крика страдания, но все, кто видел ее, казалось, сопереживали. Почувствовать такую боль.

Фан Юй вздохнул и сказал: "Может быть, мы действительно ошибаемся?"

"Это не может быть, это действительно неправильно!" Су Вэнь тоже вздохнул.

"Глядя на усилия второго принца помочь Хэйшуйгуань на этот раз, возможно ли, что Хэйшуйгуань теперь полагается на второго принца?" Мэй Донхуа поднял бумажный кусок, плавающий на его лице, и прошептал.

"А как насчет того, у кого укрыться? Вы боитесь их нейтралитета? Теперь, когда Ян Чжао мертв, о чем ты беспокоишься?" Су Се усмехнулся.

Несколько человек замолчали. Когда Ян Чжао был там, Хэйшуйгуань всегда был нейтрален и не пристрастен к каким-либо силам. Он просто оставался в Хэйшуйгуань. Они считали само собой разумеющимся, что он и раньше выигрывал битвы, и они могли время от времени ковырять его шипы, но теперь Ян Чжао погиб таким героическим образом. После трех последовательных городов 20 000 человек потащили армию Сяо Суй, насчитывающую сотни тысяч человек, в атаку на тысячи миль. Если бы не поражение новой армии семьи Чжао, если бы не штаб Чжао Минляна, который должен был объединить силы, она бы отступила. Возвращаясь назад, если бы город Су открыл ворота, Ян Чжао не погиб бы. Если бы войну вел Хэйшуйгуань, а Ян Чжао был бы тренером, то сейчас Янюнь и внешний Кюсю были бы отбиты.

Однако эта внутренняя информация была скрыта. Жители Бяньцзина знали только то, что война была равной, а потом погиб один генерал. Этот умерший генерал был удостоен печати очень высокого уровня и толстого погребения.

Я не знаю правды и восхваляю императора. Доброта двора Куа стала главным слухом в Бяньцзине.

"Я думаю, что Хэ Ли тоже сильный генерал. Воины Хэйшуйгуаня действительно необычны", - Су Вэнь посмотрел на Мэй Донхуа и сказал: "Я согласен с предложением второго принца на этот раз увеличить силу Хэйшуйгуаня". "

"Но если они сейчас прибегут к помощи второго принца, сила будет разбалансирована". Мэй Донхуа нахмурился, а затем снова отнял бумажную купюру от лица.

Разве она сбалансирована? В настоящее время битва за захват власти в самом разгаре, и у них, Цинлю, тоже есть свои планы. Нет окончательного вывода о том, кого они будут поддерживать, и они могут только пытаться сохранить баланс.

"Су Се, ты видел ее?" Чэн Цзя, который долгое время молчал, вдруг спросил людей в раздумье.

"Разве она не всегда стояла на коленях позади траурного зала, чтобы общаться с скорбящими?" Су Се бросила на Чэн Цзя странный взгляд, а потом поняла, что он спрашивает ее, видела ли она его одного, поэтому она насмешливо улыбнулась и сказала: "У нее есть время увидеть его. А у меня?" Так много людей смотрят на улицу, и бесконечный поток людей, которые идут узнать новости во имя траура. Как у нее может быть время, даже если у нее есть время, невозможно увидеть его в это время, но больше всего его печалило то, что он не знал, готова ли она относиться к нему как к другу в таких обстоятельствах.

"Ну вот, дождь пошел..." Чэн Цзя поднял голову и протянул руку. Тонкие капли дождя упали, намочили бумажный листок с деньгами и приземлились на его ладонь.

На рубеже весны и лета дождь шел все быстрее и быстрее, и за короткое время превратился в величественный ливень. Крупные капли дождя били по тем, кто с волнением наблюдал за происходящим и бегал вокруг, и вдруг на улицах стало холодно.

Единственная команда, оставшаяся на пустой длинной улице, все еще маршировала в унисон, шаг за шагом направляясь к выходу из города.

После того, как Чай Цзиньчжуна уговорили вернуться обратно под предлогом заботы о его теле, многие чиновники тоже ускользнули. После выхода из городских ворот его по-прежнему сопровождали почти только чиновники из Министерства обрядов.

"Девочка, дождь слишком сильный, ты могла бы и поменьше". Алан вытер канал дождя.

"Ты должна сделать достаточно". тускло ответил Линь Цинъюй, немного оттягивая черную марлю на вуали, так что он мог ясно видеть дорогу впереди.

"Далеко еще?" спросил Алан, шагая сбоку.

"Это определенно не лучшее место". усмехнулся Линь Цинъюй. Хотя в гробу лежала лишь замена, эти похороны все-таки проводились для Ян Чжао. Эти люди, эти люди были так несерьезны!

"До них больше десятка миль, а ты падаешь в обморок". Хэ Ли оглянулся на далекие городские ворота и чиновников, рассыпавшихся позади, чтобы проводить его.

"О!"

В передней группе возникла суматоха. Увидев, что к ним спешит маленький чиновник из Министерства Обрядов, Чэн Цзя схватил его и обеспокоенно спросил: "Что случилось?"

"Госпожа Ян упала в обморок без поддержки, я вызову машину, чтобы приехала". сказал маленький чиновник и побежал обратно.

"Что ты делаешь?" Су Се схватил Чэн Цзя, который мчался вперед, и сказал: "У них есть свои люди, что ты собираешься делать!"

Увидев проезжающую мимо карету, кто-то занес ее в карету, а затем карета повернула обратно в город, Чэн Цзя только почувствовала боль в сердце, да, что я могу сделать? Я ничего не могу сделать!

Гробница, выбранная Министерством обрядов для Ян Чжао, находится на бесплодном холме в 20 милях от Бяньцзина. Гробница была построена в спешке, и перед ней стоят лишь редкие каменные статуи, из-за чего те солдаты, которые не знают, что истинное тело Ян Чжао вошло в Зал Долголетия, стали популярными. Попался на глаза.

Вот как императорский двор обращается с генералами, предоставляя тщеславному принцу, государственное погребение, словно действующему, поспешное кладбище.

Лучше хоронить генералов в Хэйшуйгуане, чем здесь. По крайней мере, там лучший вид, самое чистое и аккуратное кладбище. И искренние жители этого города поклоняются ему".

Маленький чиновник Министерства обрядов продолжал вытирать голову от дождя и пота. Это действительно неразумно, чтобы это кладбище так обрабатывалось, но 20 тысяч таэлей серебра, отложенные сверху, начальник жадничает на 18 тысяч таэлей, и его можно так обрабатывать. Уже очень тяжело! На самом деле, он уважал Ян Чжао от всего сердца, поэтому не стал жадничать на деньги и выложил двенадцать таэлей.

Но видя, как эти солдаты под проливным дождем пропалывают каменные статуи и убирают сорняки, он не жаловался, но его глаза становились все краснее и краснее, а неконтролируемая убийственная аура заставила его отступить подальше.

Стоя на бесплодной горе и наблюдая, как гроб медленно опускают в могилу, Хэ Ли повернулся и посмотрел вдаль. Под проливным дождем далекий город казался иллюзорным.

Сегодня ты так унизишь его, и я омою этот город кровью!

В результате этого неожиданного происшествия родился князь Дингуо Ян Чжао. Для стабильности Хэйшуйгуаня, его выживший родственник должен попасть в Бяньцзин. Тогда императорской резиденции не поздоровится. Не может быть, Чжэншитань. Ему пришлось уговаривать императора Сивэня сделать особняк Ангуо Гун, который только что был возвращен, особняком Дин Гуо Гун.

Дверь особняка была недавно заменена, и от нее все еще пахло краской, отчего Чай Цзиньчжуну было очень не по себе, но он мог только продолжать сохранять печальное выражение лица, ожидая, пока гроб войдет в уже обустроенный зал. Увидев, что на повозку спустилась женщина с белым телом и в черной марлевой шляпе, которую поддерживала женщина (женщина) рядом с ней, Чай Цзиньчжун шагнул вперед и остановил женщину от почтения, сказав: "Пожалуйста, мадам, пожалуйста".

Лин Цинъюй все еще почтительно полуобернулся, затем склонил голову, поблагодарил и медленно вошел в дверь.

Рука Чэн Цзя сжалась в кулак, а в сердце зародилась боль. Хотя черная вуаль закрывала от всех глаз, Чэн Цзя знал, что она изменилась. Оказалось, что все ее тело переливается, как весеннее солнце. Его бодрость ушла, и он превратился в холодный, отчаянный холод.

После того как траурный зал был установлен на два дня, Чай Цзиньчжун вышел вперед, чтобы председательствовать на торжественных государственных похоронах.

Улица Шили Лонг снова стала усыпана белыми цветами, а по всей улице было свалено больше поминальных принадлежностей, чем в день въезда в город. Чтобы атмосфера не оказалась в неловкой ситуации дня въезда в город, Чай Цзиньчжун также устроил так, чтобы люди плакали на улице.

Просто, когда тысяча воинов, одетых в льняные одежды и сыновнюю почтительность, шаг за шагом следовали за выжившим человеком, одетым в тяжелую сыновнюю почтительность, по улице со скорбью на лице, но без слова и слез, эти притворные рыдания не могли не прекратиться.

Это было единственное, что когда-либо видели люди Бяньцзина. Не было ни печали, ни плача, было так тихо, что слышался только звук летящих бумажных денег. Даже шаги казались похоронными, нарочито легкими и последовательными, боясь потревожить мертвых. ...

Женщина, шедшая за гробом, который несли шестнадцать человек, держала спину прямо. Только голова, покрытая вуалью, была слегка опущена. Не было слышно крика страдания, но все, кто видел ее, казалось, сопереживали. Чувствовать такую боль.

Фан Юй вздохнул и сказал: "Может быть, мы действительно ошибаемся?"

"Это не может быть, это действительно неправильно!" Су Вэнь тоже вздохнул.

"Глядя на усилия второго принца помочь Хэйшуйгуань на этот раз, возможно ли, что Хэйшуйгуань теперь полагается на второго принца?" Мэй Донхуа поднял бумажный кусок денег, плавающий на его лице, и прошептал.

"А как насчет того, у кого укрыться? Ты боишься их нейтралитета? Теперь, когда Ян Чжао мертв, о чем ты беспокоишься?" усмехнулся Су Се.

Несколько человек замолчали. Когда Ян Чжао был там, Хэйшуйгуань всегда был нейтрален и не пристрастен к каким-либо силам. Он просто оставался в Хэйшуйгуань. Они считали само собой разумеющимся, что он и раньше выигрывал битвы, и они могли время от времени ковырять его шипы, но теперь Ян Чжао погиб таким героическим образом. После трех последовательных городов 20 000 человек потащили армию Сяо Суй, состоящую из сотен тысяч человек, в атаку на тысячи миль. Если бы не поражение новой армии семьи Чжао, если бы не штаб Чжао Минляна, который должен был объединить силы, она бы отступила. Возвращаясь назад, если бы город Су открыл ворота, Ян Чжао не погиб бы. Если бы войну вел Хэйшуйгуань, а Ян Чжао был бы тренером, то сейчас Янюнь и внешний Кюсю были бы отбиты.

Однако эта внутренняя информация была скрыта. Жители Бяньцзина знали только то, что война была равной, а потом погиб один генерал. Этому умершему генералу также дали печать очень высокого уровня и толстое погребение. Я не знаю правды и восхваляю императора. Доброта двора Куа стала главным слухом в Бяньцзине.

"Я думаю, что Хэ Ли тоже сильный генерал. Воины Хэйшуйгуаня действительно необычны", - Су Вэнь посмотрел на Мэй Донхуа и сказал: "Я согласен с предложением второго принца на этот раз увеличить силу Хэйшуйгуаня". "

"Но если они сейчас прибегут к помощи второго принца, сила будет разбалансирована". Мэй Донхуа нахмурился, а затем снова отнял бумажную купюру от лица.

Разве она сбалансирована? В настоящее время битва за захват власти в самом разгаре, и у них, Цинлю, тоже есть свои планы. Нет окончательного вывода о том, кого они будут поддерживать, и они могут только пытаться сохранить баланс.

"Су Се, ты видел ее?" Чэн Цзя, который долгое время молчал, вдруг спросил людей в раздумье.

"Разве она не всегда стояла на коленях за траурным залом, чтобы общаться со скорбящими?" Су Се бросила на Чэн Цзя странный взгляд, а затем поняла, что он спрашивает ее, видела ли она его одного, поэтому она насмешливо улыбнулась и сказала: "У нее есть время увидеть его. А у меня?" Так много людей смотрят на улицу, и бесконечный поток людей, которые идут узнать новости во имя траура. Как у нее может быть время, даже если у нее есть время, невозможно увидеть его в это время, но больше всего его огорчало то, что он не знал, готова ли она относиться к нему как к другу в таких обстоятельствах.

"Ну вот, дождь пошел..." Чэн Цзя поднял голову и протянул руку. Тонкие капли дождя упали, намочили бумажный листок с деньгами и приземлились на его ладонь.

На рубеже весны и лета дождь шел все быстрее и быстрее, и за короткое время превратился в величественный ливень. Крупные капли дождя били по тем, кто с волнением наблюдал за происходящим и бегал вокруг, и вдруг на улицах стало холодно.

Единственная команда, оставшаяся на пустой длинной улице, все еще маршировала в унисон, шаг за шагом направляясь к выходу из города.

После того, как Чай Цзиньчжуна уговорили вернуться обратно под предлогом заботы о его теле, многие чиновники тоже ускользнули. После выхода из городских ворот, почти только чиновники из Министерства Обрядов все еще сопровождали его.

"Девочка, дождь слишком сильный, ты могла бы и поменьше". Алан вытер канал дождя.

"Ты должна сделать достаточно". тускло ответил Линь Цинъюй, немного оттягивая черную марлю на вуали, так что он мог ясно видеть дорогу впереди.

"Далеко еще?" снова спросил Алан, который шел сбоку.

"Это определенно не лучшее место". усмехнулся Линь Цинъюй. Хотя в гробу лежала лишь замена, эти похороны все-таки проводились для Ян Чжао. Эти люди, эти люди были так несерьезны!

"До них больше десятка миль, а ты падаешь в обморок". Хэ Ли оглянулся на далекие городские ворота и чиновников, разбежавшихся провожать.

"О!"

В передней команде возникла суматоха. Увидев, что к ним спешит маленький чиновник из Министерства Обрядов, Чэн Цзя схватил его и обеспокоенно спросил: "Что случилось?"

"Госпожа Ян упала в обморок без поддержки, я вызову машину, чтобы приехала". сказал маленький чиновник и побежал обратно.

"Что ты делаешь?" Су Се схватил Чэн Цзя, который мчался вперед, и сказал: "У них есть свои люди, что ты собираешься делать!"

Увидев проезжающую мимо карету, кто-то занес ее в карету, а затем карета повернула обратно в город, Чэн Цзя только почувствовала боль в сердце, да, что я могу сделать? Я ничего не могу сделать!

Гробница, выбранная Министерством обрядов для Ян Чжао, находится на бесплодном холме в 20 милях от Бяньцзина. Гробница была построена в спешке, и перед ней стоят лишь редкие каменные статуи, из-за чего те солдаты, которые не знают, что истинное тело Ян Чжао вошло в Зал Долголетия, стали популярными. Попался на глаза.

Вот как императорский двор обращается с генералами, давая тщеславному принцу, государственное погребение, словно действующему, поспешное кладбище. Лучше хоронить генералов в Хэйшуйгуане, чем так. По крайней мере, там лучший вид, самое чистое и опрятное кладбище. И искренние люди этого города поклоняются ему".

Маленький чиновник Министерства обрядов продолжал вытирать голову от дождя и пота. Это действительно неразумно, чтобы это кладбище так обрабатывалось, но 20 тысяч таэлей серебра, отложенные сверху, начальник жадничает на 18 тысяч таэлей, и его можно так обрабатывать. Уже очень тяжело! На самом деле он уважал Ян Чжао от всего сердца, поэтому не стал жадничать на деньги и выложил двенадцать таэлей.

Но видя, как эти солдаты под проливным дождем пропалывают каменные статуи и убирают сорняки, он не жаловался, но его глаза становились все краснее и краснее, а неконтролируемая убийственная аура заставила его отступить подальше.

Стоя на бесплодной горе и наблюдая, как гроб медленно опускают в могилу, Хэ Ли повернулся и посмотрел вдаль. Под проливным дождем далекий город казался иллюзорным.

Сегодня ты так унизишь его, и я омою этот город кровью!

http://tl.rulate.ru/book/15727/2534070